

Антон Первушин (род. 1970) – знаменитый российский писатель-фантаст, один из адептов твердой НФ, автор множества художественных, документальных и псевдонаучных произведений о космонавтике, истории Второй мировой войны и инопланетных цивилизациях; лауреат множества литпремий, в том числе “EuroCon”, “Басткон”, “Золотой Кадуцей” и проч.

Текст: Антон Первушин

КРИТЕРИИ ПОДОБИЯ

Помню, как в детстве, на летнем отдыхе в крымском пансионате, мы любили рассказывать друг другу пугающие фантастические истории. О черной руке и красном пятне, о родителях-людоедах и бандитах-мутантах. Рассказывать было принято, лежа на койках в полной темноте и понизив голос до свистящего шепота. Истории, конечно, дурацкие, но детское воображение таково, что иногда мне было страшно до жути, до липкого

пота на спине. И казалось, что все, кто находится в комнате, слышат, как отчаянно бьется твое сердце.

С тех пор прошло много лет, но я могу уверенно заявить, что никогда больше не испытывал такого отчаянного страха. Я вообще не из трусливых, а к многочисленным известным фобиям не склонен, иначе никогда не попал бы в штат “Плато”, а сидел бы на подхвате в Звездном или в Грезах. Но в тот день,

когда свихнулся “Хирон”, я испугался по-настоящему. И не стесняюсь в этом признаться. Потому что любой бы испугался. А вот преодолеть всепоглощающий страх, уверяю вас, способен далеко не всякий...

Я сотрудник транснациональной ракетно-космической корпорации “Внеземелье” и в основном штате числюсь космонавтом-исследователем – то есть, как и полагается, после окончания Военмеха прошел трехгодичную подготовку в ЦПК, летал стажироваться на “Ядро-1”, потом три недели провел на “Ядре-Л”. И только после этого получил право спуститься на лунную поверхность и поработать пятым номером в смене.

Согласно регламенту эксплуатации, на “Плато” нас должно быть шестеро, но из-за проблем с запуском модернизированной “Грозы” на четыре лунных дня мы остались в сокращенном составе: главный инженер Виктор Скобелев, врач Артем Орех и я на хозяйстве. Тянуть на себе весь быт, от приготовления обеда из трех блюд до ежедневной влажной уборки помещения, и на Земле-то непросто, а в условиях пониженной гравитации, тесноты, духоты и всепроникающей пыли превращается в по-настоящему мучительный процесс. Тут уж не до исследований, которыми по идее я должен был заниматься, выполняя программу селенологов. Скобелев и Орех делали вид,

ЛУНА

что меня жалеют, но помочь никто из них не вызвался – хватало своих проблем. Виктор был целиком поглощен техобслуживанием стада кентавров и энергоснабжением базы. Артем взвалил на себя СЖО, включая полевые химвенераторы, а из-за недостатка времени даже медицинские тесты забросил. Хорошо еще никто из нас не подхватил в первые сутки лунную “чесотку”. иначе было бы совсем тускло.

Именно тогда я отчетливо осознал, что мечты сбываются не совсем так, как хотелось бы: ведь полжизни представлял себе свою первую лунную милю, а в результате почти безвылазно сидел в жилом модуле, разрываясь между кухней и вечно барахлящим сантехническим узлом. С тем же успехом я мог сидеть в прототипе модуля на Земле. Эта мысль навевала глухую тоску. Я просил уже Вселенную ниспослать мне хоть какое-нибудь приключение... Ну и напросил на свою голову. Как вы понимаете, быстро выяснилось, что заниматься рутинными процедурами куда полезнее для душевного здоровья, чем участвовать в космических приключениях.

О неприятностях с “Хироном” я узнал почти сразу, поскольку как раз возвращался из оранжерейного отсека со свежей зеленью – салат к обеду никогда не помешает. Я проходил мимо поста дистанционного управления, и тут меня окликнул Скобелев:

– Максим, срочно зайти!

Я переступил через комингс и замер, потому что увидел мигающий красный индикатор в центре пульта. В тот момент во мне даже ничего не екнуло: мало ли какой технический сбой мог произойти – жизнь осложнится, но и только.

– Что случилось? – спросил я.

– Похоже, “Хирон” забарахлил. Перестраивает стадо. Видишь? – Скобелев ткнул пальцем в виртуальную раму.

Я посмотрел. И впрямь, стадо начало перестраиваться из рабочего веера в маршевую колонну. Это было странно, это было непонятно, но пока еще не вызывало тревогу...

Тут, наверное, стоит на минутку прерваться и рассказать тем, кто последние пять лет не следил за космическими новостями, что мы делаем на Луне. По правде говоря, история эта длинная, но я выделю суть. В лунном реголите полно редкого изотопа гелия-три. Это установили еще астронавты программы “Apollo”. Было известно, что гелий-три – лучшее топливо для термоядерного процесса, и почти сразу появились планы по его добыче. Только вот термоядерного реактора с положительным энергетическим

Комментарий “ПМ”

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ СИНТЕЗА: ЗАЧЕМ НУЖЕН ГЕЛИЙ-3

► Термоядерный синтез – давняя мечта ученых, которая теоретически позволяет решить все энергетические проблемы человечества.

► Однако “традиционный” термоядерный синтез, основанный на слиянии ядер дейтерия (D) и трития (T) с образованием гелия-4 (как и слияние двух ядер дейтерия с образованием гелия-3), создает нейтроны, которые, помимо прочего, порождают наведенную радиоактивность в деталях реактора и вызывают их деградацию.

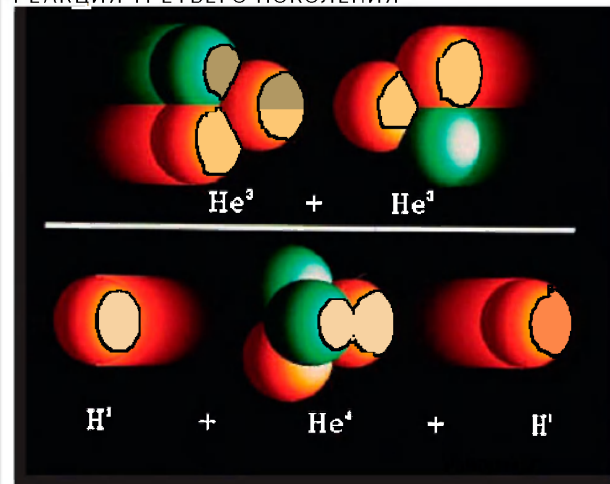
► Такие реакции принято относить к первому поколению реакций термоядерного синтеза. Ко второму поколению относят слияние ядер гелия-3 и дейтерия, которое дает даже чуть больший энергетический выход (18 МэВ), чем реакция D+T, но при этом образуется не трудноуловимый нейтрон, а протон. А в реакции слия-

ния двух ядер гелия-3 (третье поколение) образуется два протона.

► Достоинства реакций с участием гелия-3 очевидны: поскольку протоны – заряженные частицы, их можно улавливать с помощью электрических и магнитных полей и даже напрямую конвертировать в электрическую энергию.

► Кроме того, гелий-3 стабилен (нерадиоактивен), как и продукты реакций синтеза с его участием. Вероятно, именно поэтому его часто называют “топливом будущего”. Разумеется, при наличии известной доли оптимизма: реакции синтеза с участием гелия-3 требуют для зажигания значительно более высоких (на пару порядков) температур, чем D+T.

РЕАКЦИЯ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

сальдо долго создать не получалось, пока в одиннадцатом году американцы не запустили “Архимед” на лазерном термояде. Вообще-то такой реактор может работать и на дейтерий-тритиевой смеси, но с гелием-три он получается легче, проще, компактнее и безопаснее в экологическом смысле. А потом еще выяснилось, что редкий изотоп может служить в качестве топлива для тяжелого межпланетного корабля, и тогда гелием-три заинтересовались всерьез. Для его добычи и была создана корпорация “Внеземелья”, которой принадлежит сегодня почти вся космическая инфраструктура и на которую мы с упоением трудимся на лунной базе “Плато-1”.

База пока невелика: искусственно выровненная площадка три на два километра, поле солнечных батарей, четыре модуля, пилотируемый планетоход, десяток телеуправляемых роботов и космодром с маяками. Но главное достояние “Внеземелья” на Луне – это, конечно, не “Плато”: а стадо харвестеров серии “Кентавр”. Когда в корпорации начали лунную тему, был объявлен конкурс на автоматизированный комплекс по добыче гелия-три. Предлагались разные проекты: комбайны-разрыхлители, грунточерпалки с нагревательными линзами – однако все они имели недостатки: громоздкость, большое количество трущихся поверхностей, деформирующее воздействие на слой реголита. После консультаций остановились на российском “Кентавре”.

Харвестеры этого проекта можно принять за мифических полулюдей-полуконей лишь с очень большой натяжкой – на самом деле каждый из них больше похож на светло-серый толстый надувной матрас. Некое подобие человеческого торса с шарообразной “головой” радиолокатора возвышается в одном из углов матраса, в “торсе” же находятся все системы управления, телеметрия и главное – сосуд Дьюара с вожденным гелием-три. Матрас скользит по лунной поверхности, используя для своего движения хитроумное устройство типа пылесоса: с одной стороны грунт засасывается, с другой – выбрасывается. Причем “пробежки” эти невелики, ведь “кентавры” находятся на Луне не для того, чтобы преодолевать большие расстояния, как луноходы. Совершив очередную “пробежку” харвестер останавливается и начинает разогревать грунт под собой высокочастотным излучением. Спекание реголита происходит при 1200°C, а гелий-три начинает испаряться при вполонину меньшей температуре. Таким образом можно получать изотоп, не нарушая девственность лунной поверхности. Важное достоинство “кентавров” – в них нет трущихся частей, а любые механизмы с передаточными зубьями здесь ломаются на раз из-за абразивного воздействия пыли.

Стадо харвестеров, находившееся в подчинении у Виктора Скобелева, состояло из пяти машин. “Хирон” был старейшим и самым мудрым из “кентавров” – он работал на Луне уже два года, и способности его самообучающихся программ, которые пиарщики “Внеземелья” громко называли “искусственным интеллектом” значительно возросли. Вообще вся система сбора и дальнейшей транспортировки создавалась под высокий уровень автономности, и учас-

тия человека в ней не требовалось. Но космос гораздо на сюрпризы, поэтому строительство базы “Плато-1” было не слишком необходимым, но неизбежным этапом.

И вот первый такой сюрприз – наша гордость “Хирон” без всяких видимых причин вдруг выдал команду на сбор и перестройку порядка “кентавров”.

– И что он пишет? – спросил я у озабоченного Скобелева.

– В том-то и дело, что ничего не пишет, – ответил главный инженер. – Молчит, как партизан на допросе.

– А телеметрия?

– Телеметрия в норме. Вообще все исключительно в норме, но только этот... дуболом перестал слушаться прямых команд.

– С Землей связывался?

Скобелев покачал головой, наблюдая за ползающими внутри виртуальной рамы маленькими “кентаврами”.

– А что мне скажет Земля? Действуйте по инструкции? А разве имеются инструкции на этот счет?... Черт возьми! – вдруг воскликнул он.

Я не ожидал от главного инженера такого проявления экспрессии и в первый раз за тот лунный день вздрогнул и насторожился.

– Глянь-ка, – сказал он. – Мне мерещится, или эти сволочи и впрямь двинулись к нам?

Скобелеву, конечно же, не померещилось. “Хирон” не ограничился перестройкой стада в колонну, а со скоростью пять километров в час погнал его в сторону “Плато-1”. шестую позадю, словно знатный пастух. Марш продолжался недолго – через десять минут “кентавры” остановились.

– А теперь что? – уныло спросил в пространство Виктор. – Вот они встали...

– Хорошо, что встали, – отозвался я. – Только не хватало нам харвестеров на территории базы. Они тут все снесут, если доберутся...

Главный “кентавр” как будто услышал меня и решил из вредности продолжить наступление на базу. Харвестеры снова пришли в движение.

– Это невыносимо! – заявил Скобелев. – Я остановлю дурака!

– Как?

Но Виктор не удостоил ответом. Главный инженер вышел в коридор, и мне показалось, что будь у поста дверь, Скобелев с остервенением захлопнул бы ее, чтобы хоть как-то выразить свое возмущение.

Я задержался у рамы, решив, что при таком раскладе нужно быть в курсе происходящего. “Кентавры” опять остановились, а на пульте ожила панель голосовой связи.

– Я выхожу, – послышался из динамика голос Виктора. – Как работает связь? Прием.

– Связь работает нормально, – доложил я.

Мы обменялись обязательными фразами, удостоверившись в работоспособности систем скафандра, после чего главный инженер отстыковался от узла и зашагал к космодрому. Помимо трехместного лунного корабля “ЮГ”: на нашем космодроме есть два “кузнечика” – ракетные блоки “Л-Л”, рассчитанные на десятикилометровые прыжки. Они

многообразного использования, но поскольку ресурсы базы в части топлива ограничены, пользоваться ими мы имеем право только в тех случаях, которые Земля признает исключительными. Скобелев пошел против инструкции, что мне, как вы понимаете, не понравилось. Однако и остановить его я не пытался – происходящее с “кентаврами” далеко выходило за представления о норме, и если Виктору удастся быстро разобраться в происходящем, будет только к лучшему. Победителей, как говорится, не судят.

Проверка готовности “кузнечика” к прыжку заняла еще около двадцати минут. Все это время я поддерживал связь с Виктором и наблюдал за ним через камеры, установленные на периметре космодрома. Сначала главный инженер активировал панель управления, потом проверил заправку баков, потом встал на площадку, закрыл ограждение на замок, прицепил к карабинам скафандра страховочные ремни. Потом дал команду и прыгнул. Блок “Л-Л” отработал как надо – под главным соплом чуть полыхнуло, взлетела беззвучно пыль, и “кузнечик” исчез с экранов.

Я перевел взгляд на раму. “Хирон” гнал свое стадо к базе. Мне вдруг стало очень холодно. Я поежился и инстинктивно посмотрел на термометр, но тот показывал двадцать два градуса выше нуля. Мне не хотелось даже думать о том, что произойдет, если неуправляемые харвестеры ворвутся на “Плато-1”. Каждый из них в надутом состоянии весил пять тонн. Разумеется, вес на Луне в шесть раз меньше, но инерцию-то куда девать? Удара такой тушей тонкая оболочка модулей явно не выдержит. Придется эвакуироваться на “Ядро-Л”, а это означает, что мы сразу и навсегда потеряем первую долговременную базу. И последствия

могут быть самыми печальными – вплоть до закрытия космической программы “Внеземелья”.

Тут Виктор снова вышел на связь. И сообщил, что находится у “Хирона”. Харвестеры как раз остановились – главный инженер подошел к старому “кентавру”, открыл защитную крышку панели ручного управления и тут же втиевато выругался.

– Что там? – спросил я, с трудом сдерживая возбуждение.

– Горит код четыреста шестьдесят один. Я такого не знаю. Глянь в таблицу.

– О’кей.

Я полез в ящик, где лежали таблицы с расшифровками кодов, – связанная с техобслуживанием документация хранится на базе в бумажном виде. И уже достал мощный том, когда голос у меня над ухом произнес:

– Не надо.

От неожиданности у меня чуть сердце не оборвалось. За решением проблемы харвестеров мы с главным инженером совсем забыли о третьем члене нашего коллектива – Артеме Орехе. Он отсыпался после смены, но перед обедом должен был встать, перекусить вместе со всеми и заступить на дежурство по телеуправлению.

– Артем, ну нельзя же так пугать, – сказал я. – Чуть заикой меня не сделал!

– Расшифровку мне кто-нибудь сообщит? – напомнил о себе Скобелев. – Сейчас эти дуболомы снова двинутся, габариты зажгли.

– Четыреста шестьдесят один – это код особой ситуации, – сказал Орех с сумрачным видом. – И лучше вам, ребята, его смысла не знать.

Комментарий “ПМ” “ЛУНА” К ЛУНЕ

► Единственный невымышленный персонаж этого рассказа – станция “Луна-15” – могла хоть в какой-то степени спасти лицо советской космической программы в явно проигранной лунной гонке.

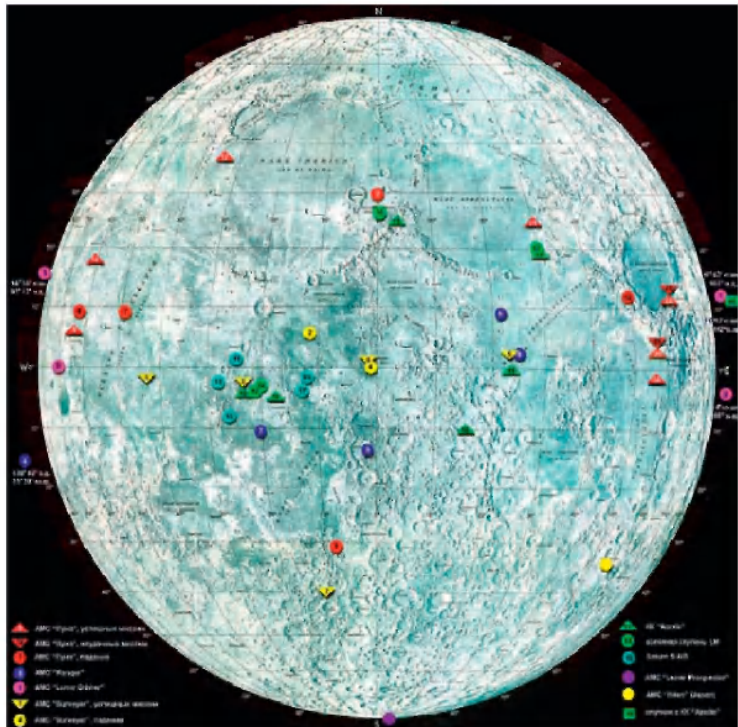
► Станция стартовала к ночному светилу на ракете-носителе “Протон-К” 13 июля 1969 года, а целью миссии было мягкое прилунение и забор образца лунного грунта. Однако в тот же самый день – 21 июля, когда Нил Армстронг совершил свой “маленький шаг для человека”, “Луна-15” отклонилась от расчетной траектории и разбилась о лунную поверхность. Естественно, первенство в экспедировании лунного грунта на Землю однозначно досталось экипажу “Аполлона-11”. А начиналось все неплохо.

► Решив развить успех с первым спутником, Королев избрал следующей целью Луну и начал “обстреливать” ее своей “семеркой”. Но только “Луна-2”, которая на самом деле была не вторым, а шестым по счету запущен-

ным в СССР лунным зондом, достигла 12 сентября 1959 года поверхности спутника. “Луна-3” всего три недели спустя облетела Луну, и земляне впервые в истории узнали, что находится там, на темной стороне.

► Полет “Луны-24” в августе 1976 года закрыл первую страницу мировой “селенияды”, и следующий зонд – на этот раз японский – отправился к Луне уже в 1990-м. В дальнейшем интерес к исследованию Луны вновь возрастал – свои аппараты запустили Индия и Китай.

► А в июне 2009 года американский аппарат LCROSS бомбардировал приполярную область Луны разгонным блоком “Центавр”. Проанализировав поднятый шлеф пыли, зонд обнаружил на пустынном спутнике Земли воду.

Я сильно удивился. Речь идет о сохранении базы, о выживании, а Артем говорит о каких-то посторонних вещах. Я начал рассказывать ему о странном поведении “Хирона”, но врач остановил мои излияния нетерпеливым жестом.

– Мне все понятно, – отрезал он. – Виктор, немедленно возвращайся! Мы эвакуируемся.

– И не подумаю, – сказал Скобелев. – Жду расшифровку.

– Дураки! – воскликнул Орех. – Еще раз вам говорю. Четыреста шестьдесят один – это эвакуация. Немедленная. Если мы задержимся, то... – он остановился.

– Что? – спросил я нетерпеливо. – Продолжай.

Мне показалось, что Орех вспотел. Он провел ладонью по лбу, отнял ее и несколько секунд разглядывал.

– План “Тройка”, – произнес врач тихо, но отдельно. – Виктор, возвращайся. Очень прошу тебя.

– Жду расшифровку, – настаивал инженер. – Если не поспешите, я приеду к вам на “Хироне”.

– Да, – поддержал я Виктора. – Ты уж объясни нам, Артем, что такое код четыреста шестьдесят один и план “Тройка”.

Орех скривил губы, но вместо ответа выскочил в коридор, как давеча Скобелев. Я пожал плечами и все-таки пролистал том с таблицами. Они и впрямь заканчивались на позиции “460”. Тут была какая-то тайна, и я понял, что без консультации с Землей не обойтись. Для этого надо перейти в отсек радиостанции, но без разрешения главного инженера я воспользоваться прямым каналом связи не мог. А Виктор заупрямился и говорил, что мы и без Земли как-нибудь в проблеме разберемся.

Пока мы спорили, вернулся Орех. Вид он имел самый решительный и прятал правую руку за спиной.

– Еще раз прошу, ребята! – обратился он к нам. – Мы собираемся и стартуем на “Юге”. Пока не стало поздно.

– Сначала объясни, что происходит, – потребовал я.

– Не могу, – сказал Орех. – Хотел бы, но не могу.

Он выставил спрятанную руку вперед, и я увидел, что он держит в ней трехствольный пистолет “ТП-82”.

– Блин, – только и смог выдать я.

– Виктор! – позвал врач. – У меня оружие. Если ты не вернешься, я застрелю Максима.

Вот тут мне стало по-настоящему страшно. До коллик в животе. До озноба по телу и внезапной изжоги. На мгновение я даже потерял способность соображать. Ведь свихнулся не только “Хирон”, а человек, с которым мы, казалось, хорошо знакомы.

– И где ты его прятал? – со смешком поинтересовался Скобелев, и саркастическая интонация вернула меня в реальность.

– Под кроватью! – огрызнулся Орех. – Максим, подтверди ему, что я не шучу.

Мне пришлось приложить усилие, чтобы выдать из себя:

– Ты не шутишь... У тебя восемьдесят второй...

– Артем, – позвал Скобелев, – прекрати заниматься ерундой немедленно. Я не знаю, чьи инструкции ты выполняешь, но мы не бросим базу.

– Дурак! Трижды дурак! – выкрикнул Орех. Он покраснел. – Базу уже не спасти. Если мы проковыряемся здесь еще час, с “Ядра” пустят ракету. И тогда мы погибнем...

Скобелев в той же саркастической манере заметил:

– Плохо дело. У кого-то явно съехала крыша.

– Я не могу объяснить... – Врач был в явном замешательстве. – Просто поверьте мне, ребята! Нас закопают здесь. Скажут потом, что реактор взорвался или метеорит упал. Обелиск возведут... А я не хочу обелиска. Я домой хочу. У меня сын, вы знаете... Отличник, между прочим... Верит в селенитов...

Орех продолжал говорить, обращаясь уже исключительно к панели голосовой связи, и даже пистолет свой направил в ее сторону. И тут я не выдержал. Повинуясь больше инстинкту, чем рассудку, я сцепил пальцы и сильно ударил этим замком по руке Артема. Тот охнул, глянул вытаращенными глазами, но пистолет выпустил. Я тут же подхватил оружие и нацелил его на врача.

– А теперь говори все, что знаешь, – потребовал я, стараясь прибавить голосу внушительности. – Иначе я тебя пристрелю.

Сбивчивой скороговоркой Орех рассказал нам, что существует, оказывается, секретный план “Тройка” на случай обнаружения неких “упорядоченных структур”, которые могут быть продуктом деятельности внеземной цивилизации. План предусматривает несколько вариантов развития дальнейших событий. Но в самом “критическом” варианте “структуры” могли проявить “активность” и перехватить управление земной техникой. Поведение “Хирона” явно свидетельствовало о том, что он подчиняется не нам, а инопланетному разуму. Если стадо войдет на территорию базы, нарушив самый жесткий программный запрет из существующих, это будет признаком нашего поражения перед лицом чужих, и тогда с орбитальной станции “Ядро-Л” стартует ракета с ядерной боеголовкой, чтобы стереть весь район в радиоактивный порошок.

– А ты тут при чем? – спросил Скобелев.

– А я должен был наблюдать за вами... – ответил Орех понуро. – И как врач... и как психолог... И если бы вы повели себя странно... странно повели бы... я имею приказ... убить вас... и взорвать базу...

– Ясненько, – сказал инженер. – Добрая матушка Земля. Что будем делать, Максим?

Я и сам себя спрашивал, что мы должны теперь делать. Нас тренировали так, чтобы мы без колебаний выполняли любые указания Земли. Значит, следовало покинуть “Плато” на корабле, а потом полюбоваться с орбиты на красивую вспышку, которая, скорее всего, поставит последнюю точку в космической программе. Рискнем ли мы вернуться на Луну после того, что натворим здесь? Не побоимся ли летать на другие планеты, где нас поджидает враждебная цивилизация?

Разумеется, мне было гораздо легче принять решение, чем Артему Ореху, – ведь у меня пока не было жены и сына. Но это не значит, что я самоубийца и готов сразу пожертвовать всем во имя призрачного шанса вступить

в контакт с “зелеными человечками”. Я тоже очень хотел вернуться домой. И было, конечно, очень страшно. Но и закрыть из-за шкурных интересов ярчайшую страницу в истории человечества тоже не мог. Ради чего мы летаем в космос? Неужели только за гелием-три? А может быть, все-таки для того, чтобы встретить когда-нибудь себе подобных и... поговорить?

– Что у тебя происходит? – спросил я у Виктора.

– Все то же, – отозвался тот. – “Хирон” опять стоит. Но думаю, это ненадолго.

– Жди меня, – сказал я. – Скоро буду.

– Нет, Максим! – Орех попытался удержать меня, но я грубо ткнул его стволами пистолета.

Конечно, я не смог бы в выстрелить в нашего врача, но ударить вполне – хотя бы за то, что он скрывал от нас правду о “Тройке”.

План дальнейших действий родился сам собой. Вспоминая их сейчас, я понимаю: все было подчинено простейшему, но поглощающему желанию увидеть инопланетные “упорядоченные структуры”. Прямо сейчас увидеть. А потом можно и умереть спокойно...

Я направился к стыковочным узлам, влез в скафандр, пистолет сунул в лоток оборудования. Проверил системы, загерметизировал костюм и отстыковался. Потом немного полюбовался Землей, висящей над горизонтом, извлек пистолет и отправился к космодрому. Я даже не подумал о том, что Орех может бросить нас и улететь на орбиту в одиночку. Он и не улетел, что, конечно, делает ему честь.

Прыжок на “кузнечике” прошел без проблем. Я прилунился рядом с медленно ползущим “Хироном”: слез с ракетного блока, попросил Скобелева отойти и, не целясь, выстрелил из пистолета в панель ручного управления харвестером – прямо в яркие зеленые цифры “461”.

Руку вывернуло отдачей, и сам я чуть не упал, но результат был налицо – все индикаторы погасли, “кентавры” замерли.

– Изверг! – сказал Виктор уважительно. – Мне теперь всю схему перебирать. Вручную...

– Пошли, – сказал я.

– Куда?

– Смотреть на инопланетян.

И мы пошли по следам, оставленным грунтометами “кентавров”, готовясь встретить что угодно – любое чудо.

Мы увидели “упорядоченную структуру” издалека. Она стояла, чуть накренившись, на краю небольшого кратера. Массивная, высотой в два человеческих роста. И на приборном отсеке возвращаемого аппарата, венчающего ее, был хорошо различим один из символов великой эпохи – надпись красными буквами: “СССР”.

– Это же... “Луна”... Бабакина, – медленно произнес Скобелев. – Откуда она здесь?..

Разбирательство продолжается две земные недели, и конца-краю пока не видно. Однако причины инцидента стали известны почти сразу. “Стрелочниками”

на этот раз оказались авторы программного обеспечения “Хирона”. Напортачили, перемудрили.

Они представляли себе гипотетическую ситуацию встречи с инопланетянами примерно так. Если “Хирон” обнаружит “упорядоченную структуру”, то будет активирована последовательность действий по недопущению непосредственного контакта – головной харвестер остановит работу, перестроит порядок “кентавров” в походный и отойдет на “достаточное” расстояние в сторону базы. Достаточность определялась радиолокационной видимостью – то есть “упорядоченная структура” должна была остаться за горизонтом. И в этом месте труженики клавиатуры допустили принципиальную ошибку. В настольных экспериментах они использовали миниатюрные модели харвестеров, а в качестве “упорядоченной структуры” взяли пирамидку из детского конструктора. Разумеется, в таких условиях радиолокацию применить нельзя, посему программисты прямо прописали расстояние, на которое нужно отступить, исходя из размеров пирамидки. И не учли критерии моделирования – ведь находишься на Луне подобная пирамидальная дура, мы ее давно заметили бы. Позднее управляющую программу доработали под полевые условия, но строчку с директивно заданным расстоянием стереть забыли. Обнаружив “Луну Бабакина” наш многомудрый “кентавр” сделал все в точности, как предписывала подпрограмма, активируемая по коду “461”, – отвел стадо за пределы радиолокационной видимости и остановился. Но тут сработала злополучная строчка, и “Хирон” снова дал команду на отход. Потом снова остановил стадо и снова отвел. И так продолжалось до тех пор, пока я не расстрелял блок управления.

Что касается “Луны Бабакина”, то она и впрямь взялась словно бы ниоткуда. Все места посадок старых лунных аппаратов были давно объявлены заповедными и занесены в базы данных, но никто не вспомнил о тех “лунниках”, которые потерпели неудачу. Станция “Луна-15” созданная в бюро Георгия Николаевича Бабакина с целью доставить лунный грунт раньше американского “Apollo-11”, была из числа последних. В любой энциклопедии по истории космонавтики написано, что в июле 1969 года она врезалась в гору при сходе с селеноцентрической орбиты – никто и предположить не мог, что станция мягко прилунилась и стояла в Море Кризисов до прибытия наших харвестеров.

Когда причины сбоя стали известны, Артем Орех долго и многословно убеждал нас, что на самом деле не собирался в точности исполнять инструкции чрезвычайного плана “Тройка”. Дескать, он не тупая машина типа “Хирона”, никогда не смог бы причинить вред своим друзьям и уж тем более не собирался взрывать базу. Дескать, размахивая пистолетом, он просто хотел напугать нас, чтобы мы прониклись серьезностью ситуации.

– Ну а вы как поступили бы? – подначил он в эпилоге своей пламенной речи.

– Как мы поступили бы? – переспросил Скобелев и уверенно заявил: – Я действовал бы точно по инструкции.

Надеюсь, что это была неудачная шутка.